

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Инна
Балтийская

Песочные
часы
Невидимки

Детективы о женщине-цунами

Инна Балтийская

Песочные часы Невидимки

«Автор»

2011

Балтийская И.

Песочные часы Невидимки / И. Балтийская — «Автор»,
2011 — (Детективы о женщине-цунами)

ISBN 978-5-699-53420-3

Сколько ни перекладывай карты – от своей участи не уйдешь, – гадалка Полина всегда чувствовала это. Вот и сейчас Пиковый Туз злобно ухмыляется в раскладе на судьбу исчезнувшей дочери убитой горем клиентки. Но как сообщить матери о смерти девушки? Тем более что за последний месяц в вузах города бесследно пропали несколько молоденьких абитуриенток. Прямо какая-то аномалия. Все они заходили в здание альма-матер, но после этого живыми их больше никто не видел. Может, призрак мертвого декана мстит симпатичным студенткам? Или у неизвестного маньяка началась летняя сессия убийств? Официальное следствие заходит в тупик и обращается к нетрадиционным методам расследования – привлекая гадалок и ясновидящих. Предсказательница Полина все силы направляет на поиски преступника – для нее это дело чести, ведь в жертвах «коллекционера студенток» оказалась ее любимая племянница. Но чем больше она вникает в расследование, тем яснее понимает: мистика здесь абсолютно ни при чем и убийца где-то рядом...

ISBN 978-5-699-53420-3

© Балтийская И., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Инна Балтийская

Песочные часы Невидимки

В основе романа – реальные преступления, которые в свое время потрясли всю Россию. Все совпадения имен и событий намеренны, но тем не менее случайны.

Глава 1

– Вы не понимаете. – Опухшие от слез глаза женщины смотрели на меня с такой тоской, что я чуть не разрыдалась. – Она не могла умереть! Не могла! Я мать, я бы почувствовала. Ее где-то держат, она в плену. Может быть, в рабство продали, на Кавказ. Но она жива!

Я быстро опустила глаза. Особого дара у меня нет – ясновидением я не обладаю, но вот чью-либо смерть мои карты почему-то предсказывают весьма точно. Лучше бы они что-нибудь приятное угадывали... Но я уже дважды делала расклад на пропавшую девушку, и каждый раз пиковый туз злорадно усмехался: мол, что, дорогая, не нравлюсь? Получи и распишись!

Вообще, вся эта история выглядела довольно дико. Восемнадцатилетняя отличница Жанна этим летом поступала в наш государственный университет. Она сдала все экзамены на отлично и теплым августовским утром пошла в универ, чтобы узнать, зачислена ли она на филологический факультет. Матери она обещала, что, узнав результат, тут же отзвонится – и мать накроет на стол, они вдвоем отпразднуют ее поступление. А вечером в гости обещали прийти две ее подружки – отметить событие в неформальной обстановке.

Девушка в полдень позвонила матери – решение приемной комиссии еще не вывесили, но должны были это сделать буквально с минуты на минуту. Она будет ждать в холле, пока не повесят заветную таблицу, и сразу позвонит домой. Прошел час, другой... Мать заволновалась и принялась сама звонить дочери. Телефон Жанны был почему-то отключен. В сильной тревоге мать выбежала из дома. В универе она была уже через полчаса. В холле висел список поступивших, среди них была и фамилия ее дочери. Но вот самой девушки нигде не было видно.

Бедная женщина чуть не сошла с ума. Она обзвонила всех подружек дочери. Выяснилось, что бывшая одноклассница Жанны и ее парень видели ее у входа в университет. Они несколько минут поболтали, затем парочка пошла по своим делам, а Жанна вошла в здание университета. И все! Пропала, как будто сквозь землю провалилась!

– Ее легко узнать. У нее такие длинные волосы! – продолжала несчастная мать. – Вы же знаете, современные девушки не любят косы. Они коротко стригутся, лаком пользуются... Жанна не такая! Она с детства волосы отращивала. У нее такие роскошные волосы, густые... И она не красится! Никогда. У нее свой цвет – такой, как цвет спелой пшеницы. Я ей шампунь специальный покупала, чтобы волосы не секлись. Я ей и в тот день такую красивую косу заплела, украсила волосы лентой, вышитой бисером. Ярко-красным, таким сочным... Ее должны были запомнить, по этой косе. Умоляю, найдите ее! Или... или хоть скажите, что она жива... – голос женщины дрогнул, и последние слова она прошептала еле слышно: – Она у меня одна...

Тут уже дрогнула я. Торопливо пробормотала что-то вроде: «Конечно, есть тут одна зацепка в раскладе... может быть, она жива», – отказалась брать деньги за гадание и торопливо распрощалась с посетительницей.

Женщина скрылась за дверью, а я без сил рухнула на стул у столика в коридорчике. Нет, надо бросать салон! Не для меня это – говорить матерям, что их дети мертвы. Не хочу я больше

гадать! Продам салон кому-нибудь по дешевке – ну хоть той же Синтии. Она лучше меня справится с подобной работой. А я стану простой домохозяйкой.

– Поля, что с тобой? Ты просто как с того света вернулась! – всполошенно заметалась вокруг меня наш администратор, Синтия. Милая пышечка обычно была абсолютно невозмутима. Если уж она занервничала – значит, мои дела и правда плохи.

– Почти, – с трудом улыбнулась я. – Синтия, почему девушки такие глупые? Вот приходила ко мне эта несчастная мать. Ее дочь Жанна позавчера поехала в универ, чтобы узнать в приемной комиссии результаты экзаменов. Оценки должны были вывесить после обеда. Ушла – и пропала. Наверняка же познакомилась с симпатичным парнем и поехала к нему в гости. Хоть бы матери позвонила, сказала, где она и с кем! Хрен знает, кем этот парень оказался, но, похоже, в живых девушки уже нет...

– Поля, погоди! – Гадалка Надина вышла в коридор и с ужасом прислушалась к моим словам. – У меня вчера тоже одна женщина была, такая же... Только ее дочку звали Тоней.

– В смысле одна такая же женщина? – не врубилась я. – Та же самая?

– Нет, другая. Но ее дочка тоже поехала узнавать результаты экзаменов – три дня тому назад. И исчезла! Среди бела дня.

– Так, погодите горячку пороть. Может, девушки заранее договорились и просто вместе куда-то сбежали? – рассудительно сказала Синтия. – Почему это вы в истерику впали?

Я задумчиво поглядела на администраторшу. Вот что значит – железные нервы! В самом деле, почему обычный побег не пришел нам с Надиной в голову? То есть понятно, почему это не пришло в голову мне – картам я привыкла доверять. В чем-то другом они могут соврать, но не в подобном случае. А Надина действительно в панику впала... Правда, этого и следовало ожидать. Гадалка была полной противоположностью администраторше – высокая, худая. Несмотря на солидный возраст, у нее были угловатая грация подростка и слабые нервы. Надина (в быту – просто Надя) была родной сестрой моего беспутного папаша. Когда он смотался куда-то в самую глубинку нашей бескрайней родины и моя мамочка осталась с годовалым младенцем на руках, именно Надя не дала ей сойти с ума или помереть с голоду. Она к тому времени только закончила универ и устроилась на работу в архив, получала копейки, но тем не менее почти каждый вечер прибегала к нам с какими-то продуктами. Потом мамочка сдала меня в ясли и вышла на работу, а у Нади появился собственный муж. А еще через несколько лет и она осталась разведенкой с малолетней дочкой на руках. С тех пор я не видела ее годами и лишь со слов матери представляла, как выглядит моя двоюродная сестричка Вероника, Надина дочка.

Но в прошлом году из-за кризиса Надя потеряла работу. Разумеется, я не смогла оставить на улице родную тетю и, наскоро обучив ее раскидывать карты, взяла в свой салон. Я готова была взять на работу и уже закончившую школу Веронику, но тут Надина встала на дыбы. «Она прогадает свое счастье», – обреченно глядя куда-то в глубины своей души, бормотала она. Я несколько раз ставила в пример свою собственную счастливую семейную жизнь, но это не помогало.

К сожалению, Надина на полном серьезе поверила в свой дар предвидения. Это имело свои плюсы и минусы. Ее уверенность в собственном даре убеждала клиентов, но постоянно играла с ней самой какие-то дикие шутки. Как-то она целую неделю мучила нас рассказами о своем вещем сне, в котором ее дочь Веронику задушил гигантский змей. Сон произвел на Надину такое впечатление, что она хотела немедленно отправить дочку куда-нибудь за границу. Этому намерению помешало только отсутствие у них заграничных родственников и здоровый пофигизм Вероники, которая чихать хотела на материнские предчувствия.

– Надь, а может, правда... – начала было я и тут же с криком вскочила на ноги. Надина сидела на полу, прижав руки к груди. Ее лицо побелело, лоб покрылся испариной. Я подбежала к ней, зачем-то потрясла за руку и прошептала: – Врача?

– Нет... Туда сегодня пошла моя дочка, – едва ворочая языком, прошептала Надина. – Ника час назад пошла в этот универ! И не позвонила...

– Ну вы даете, девочки, – недовольно прогудела Синтия. – Надя, ты думаешь, там Бермудский треугольник? Кто туда пойдет, тот и пропадет?

– Ее телефон не отвечает, – сильно побледнев, прошептала Надина. – Я ей уже пять раз звонила! Я сначала внимания не обратила – у нее часто зарядка «сдыхает». А сейчас... Вторая девочка пропала... Там плохо!

– Я звоню в «Скорую», – деловито заявила администраторша. – Пока что плохо не ей, а тебе.

– Поленька, беги туда... – заваливаясь набок, прохрипела Надина. – Поленька, умоляю! Вот, возьми мой мобильный, тут вбит ее номер... Не трать времени, не переписывай! Мой телефон возьми, быстрее! Времени нет, совсем нет! Найди ее! Беги же, что ты стоишь!

Я колебалась не больше секунды.

– Ладно, давай телефон, я бегу. Синтия, жди «Скорую». А салон потом можешь закрыть, я сегодня уже не вернусь.

– Умоляю, сразу же позвони мне домой! – давилась словами Надина. – Сразу! И дай мне ее голос услышать.

Я стрелой выбежала из салона и за три секунды домчалась до остановки. Уже вбившись в полный до предела салон автобуса, я задумалась: где ж мне искать в огромном универе девочку с неработающим мобильником? Я хорошо знала Веронику в лицо – она часто приходила к нам, в гости к матери. Но найти скромную студентку в огромном универе с сотней аудиторий и десятком входов-выходов – занятие достаточно безнадежное. Вообще-то говоря, наш универ – это не одна постройка, а комплекс зданий, протянувшихся на целый квартал. К главному корпусу прилепились, как ласточкины гнезда, несколько довольно-таки мрачных строений. Бывший ректор год за годом «прицеплял» со всех сторон по новому «кубику» и соединял их между собою крытыми перемышками. В результате главный университетский коридор растянулся почти на восемьсот метров! Бродить мне тут до позднего вечера, пока я не рухну наземь от усталости.

Уже выйдя из автобуса, я чуть было малодушно не рванула прочь от универа. Девочка скоро придет домой, зарядит мобильник и позвонит матери. Мне ее до вечера не отыскать! Может, она давно ушла отсюда и отправилась гулять с какой-нибудь подругой или с дружкой. Но что я скажу Надине, если она мне сейчас позвонит? Конечно, моя тетка – истеричка и очень внушаема, но ведь от ужаса она вполне может заработать инфаркт. Нет, поброжу-ка я для очистки совести по универу. Вдруг мне повезет и я прямо у главного входа наткнусь на Нику?

Я бодро вошла в здание через главный вход. В будочке вахтера сидела дряхлая бабуса, ловко орудовавшая спицами. На их кончиках висел уже почти готовый огромный мохеровый серый носок сорок пятого размера, явно предназначенный для какого-то гиганта. На меня бабуса не обратила ни малейшего внимания – она сосредоточенно считала петли. Я миновала бабусю и тут же, в холле, наткнулась на доску объявлений с фотографией красивой длинноволосой брюнетки. Надпись под фото гласила: «Пропала девушка, Анжелика Ростова, семнадцати лет, рост – сто семьдесят два см. Длинные черные волосы, черные глаза, одета в синие джинсы и белую водолазку с высоким воротом. С собой у нее была черная лаковая сумочка фасона «батон». Последний раз ее видели пятнадцатого июня, возле аудитории номер одиннадцать, где заседала приемная комиссия. Если у кого-либо есть хоть какие-то сведения о девушке, звоните по телефону 02 или по номеру ***»...

Внезапно мне стало холодно. Пятнадцатое июня... Сегодня уже пятнадцатое августа. Прошло два месяца, нашлась ли девушка? И что случилось с дочерьми наших клиенток? Нет, я должна немедленно отыскать дочь Надины, даже если мне придется поселиться в этом чер-

товом универе! На всякий случай я еще раз набрала номер Вероники и, услышав вечное «Абонент находится вне зоны связи», сунула ненужный мобильник в карман.

Примерно через час я со стоном вползла в одну из пустых аудиторий и, свесив на плечо язык, рухнула на первую попавшуюся лавку. Кажется, я со скоростью хорошего рысака обежала все этажи чертова здания, на ходу выкрикивая: «Вероника, отзовись!», но, как и следовало ожидать, девушку не нашла. Зато меня хорошо запомнил весь универ – студентки, а также преподаватели с диким изумлением смотрели на меня, выглядывая из аудиторий, и наверняка вертели пальцем у виска, когда я скрывалась из виду.

Слегка передохнув, я решила еще раз для порядка прочесать здание. Но тут мобильный Надины пронзительно зазвенел. Я поглядела на номер – звонили из ее квартиры. Наверное, ее дочка уже вернулась, мои поиски закончены, с облегчением подумала я и радостно нажала на «Прием»:

– Надя, ну что, дома девочка?

– Ты ее видела? – с надеждой выдохнула гадалка. – Она тебе сказала, что едет домой?

Я чуть было не брякнула, что не видела девочку, но вовремя опомнилась. Сперва надо узнать, в каком состоянии сама Надина.

– Приедет-приедет, – неопределенно пробормотала я. – Ты как, инфаркта нет?

– Нет у меня ничего, – медленно сказала Надина. – Мне как рукой холодной сердце сжали. Вроде случилось что-то... что-то ужасное... Врач мне вколол что-то, велел поспать... Но я спать не могу. Глаза смыкаются, и сразу такой страх охватывает... Я пыталась карты разложить, а они из рук падают. Так ты скажи, она уже едет домой?

Я что-то мякнула и вырубилась мобильный. Глубоко вздохнула и позвонила подруге Маше. Ее муж, Оскар Белов, работает начальником особо тяжкого отдела в прокуратуре, и закончившая юрфак Маша тоже занимает там какую-то должность. Как мы с ней шутили, работает у мужа секретаршей. Впрочем, такой секретарше позавидовал бы любой олигарх. Длинноногая платиновая блондинка с удивительными светло-серыми глазами была слишком красивой, чтобы ловить преступников. Она это знала, но попытки выступать на Большой эстраде провалились – ей не хватило голоса и артистизма.

Я часто вспоминала нашу первую встречу с этой красоткой, ставшей впоследствии моей подругой. Я сидела в гадальном салоне, и некий жулик-продюсер предложил мне принять участие в раскрутке местной «звезды». От меня требовалось немного: дать в газетах и журналах серию объявлений – мол, гадалка Земфира пару лет тому назад предсказала Мэри, тогда еще не певице, а простой школьнице, мировую славу. Школьница не поверила гадалке, а вот теперь предсказание сбылось. И внутри текста объявления – портрет самой Мэри. Ну, а после выхода этих статей мне надо было выступить на пресс-конференции, дабы подтвердить свои слова. Заодно и собственный салон бы попиарила.

Я согласилась на заманчивое предложение, и в мой кабинет вплыло очаровательное создание: молодая высокая девушка небесной красоты. Красота была неземной в полном смысле этого слова: фигурка ожившей куклы Барби, ноги почти от самой шеи, огромные миндалевидные светло-серые глаза, отливающие холодом вечного льда. Лебединую шею обрамляли длинные прямые волосы цвета свежеевыпавшего снега. Девушка явно была блондинкой от природы, простым осветлением волос такого эффекта не добиться. Кожа девушки напоминала алебастр, тонкие черты лица были до того правильными, что казались неживыми.

Но вот голос красавицы значительно уступал ее внешности. Звездой эстрады она так и не стала, от услуг жулика-продюсера отказалась, а богатого банкира-покровителя променяла на следователя прокуратуры, двухметрового красавца Оскара Белова. И теперь свое будущее Маша связывала с криминалистикой. Думаю, у нее в этой области имеются большие возможности. Например, она умеет мастерски вести допросы. Преступники-мужчины тают при виде гламурной красотки, которую к тому же не стоит опасаться. Натуральная блондинка, на муж-

ской взгляд, просто не имеет права быть умной. Но острому уму Маши и ее хладнокровию могут позавидовать многие мужчины.

Как всегда, она поняла меня с полуслова.

– За два месяца пропали уже три девушки? – деловито переспросила она. – Странно, почему не создали специальную бригаду?

– Так ведь две из них пропали за последние три дня, – возразила я. – Их еще искать, небось, не начали, какая бригада?

– Да, ты права, – вздохнула Маша. – Сейчас доложу обстановку Оскару. Будет бригада.

– А мне что делать? – простонала я. – Я должна найти Веронику, иначе моя тетка просто помрет к вечеру!

– У девочки телефон с собой?

– Так он же разряжен!

– Если он недавно разрядился, все равно, его можно запеленговать, – деловито сказала Маша. – Жди, через полчаса придет наш сотрудник со спецфургоном. Телефон не занимай.

Я вздохнула и приготовилась к долгому ожиданию. Ненавижу ждать и догонять! Хотя это все равно лучше, чем без толку мотаться по длинным мрачным коридорам. Телефон Надины вновь зазвонил, но я, взглянув на номер, предпочла не отвечать на звонок. Надина не унималась. Она позвонила и на мой мобильный, но я снова предпочла не услышать. Вот придет сотрудник с пеленгатором, мы найдем девочку, тогда я и поговорю с Надиной.

Через сорок минут раздался звонок со скрытого номера. Я ответила и с облегчением услышала незнакомый мужской голос:

– Полина? Спускайтесь вниз и идите к белому фургончику с номером XXXX.

В мгновение ока я оказалась на улице и, даже не взглянув на номер, влетела в приоткрытую дверь белого фургона.

– Полина, что ж вы так неосторожно? – невысокий, налысо обритый крепыш поддержал меня за локоток, втаскивая внутрь. – На номер всегда смотреть надо! А то садятся девушки черт знает к кому, а мы потом пеленгуем...

Я согласно покивала в ответ. Не было смысла объяснять, что осторожности мне учиться уже поздно, горбатого могила исправит.

– Меня Федор зовут, – бодро отрапортовал крепыш. – А вы красавица!

– Феденька, нам надо срочно девушку найти, – невежливо перебила я его. – Ее мать решила, что с дочерью случилась беда, и сердечный приступ заработала. А телефон девочки не отвечает.

– Да не проблема, щас отыщем! – усмехнулся парень. – Небось свиданка у девочки, а мать сразу в панику ударилась.

Я опять молча покивала в ответ. Главное – не отвлекать чересчур разговорчивого парня от дела. Поболтаем потом.

– Вот, запустим пеленгатор, – рот у Федора не закрывался ни на минуту. – Во, гляди, поймали сигнал! Едем! Щас найдем твою беглянку. Недалеко она убежала.

Почему-то при этих словах я похолодела. Не обращая внимания на мое побелевшее лицо, Федор завел мотор, и мы куда-то поехали. Как сквозь вату, я слышала бесконечные прибаутки и комплименты, не вникая в их смысл и пытаясь понять, чего я так испугалась.

– Эй, красавица, просыпайся! – радостно заголосил Федор, останавливая машину и открывая дверь. – Приехали. Давай, топай, води сюда девулю.

– Где она? – удивилась я.

Наш фургончик стоял в широком проходном дворе между четырьмя старыми кирпичными домами. Но народу во дворе не было.

– Щас скажу. – Федор взглянул на датчики и радостно произнес: – Похоже, вон за той арочкой она спряталась. Целуется небось!

Я прыгнула на землю и на подгибающихся ногах двинулась к указанной арке. Почти дойдя до нее, я остановилась и беспомощно оглянулась на машину. Видимо, мой затравленный взгляд растопил сердце парня. Он выскочил из машины и пошел ко мне.

– Ты чего, девчонки боишься? – с удивлением глядя на мое побелевшее лицо, произнес он. – Ну, постой тут, я сам ее приведу.

Он быстро зашел в арку. Несколько минут его не было видно, затем он появился в проеме, но я не сразу узнала парня. Куда делся прежний беззаботный весельчак? Его доселе румяное лицо побледнело, зубы были крепко сжаты. Не глядя в мою сторону, он быстро набрал чей-то номер:

– Маша? Дело плохо. Телефон девочки не разряжен, а выключен. И спрятан в стене дома. Специально устроена «захоронка» – из стенки вынут кирпич, и из его половины сделана затычка. Туда был вложен мобильный. Если б не пеленгатор, мы ни в жизнь бы его не нашли. Быстро посылай по адресу опергруппу. Что? Нет, тут не один ее телефон. Четыре мобильника в дырке.

Глава 2

Я уныло перебирала ворох свежей прессы:

«Таинственный лабиринт»

Список таинственных исчезновений абитуриенток открыла семнадцатилетняя Анжелика Ростова. Пятнадцатого июня она поехала в государственный университет, сдавать документы для поступления. Отец на машине довез ее до места, они попрощались, и девушка направилась по дорожке к зданию. Последнее, что видел отец: дочь подошла к главному входу, остановилась и махнула ему рукой на прощание. С того момента девушка словно растворилась в пространстве. Документы в приемную комиссию от нее так и не поступили.

Десятого августа восемнадцатилетняя Антонина Афанасьева пошла на очередную консультацию в университет. Мать до поздней ночи ждала ее звонка, но Тоня бесследно исчезла где-то в стенах многочисленных коридоров и аудиторий.

Тринадцатого августа Жанна Волкова ушла из дома, чтобы узнать в приемной комиссии результаты экзаменов. Оценки должны были вывесить после обеда. Ушла и не вернулась. Вечером мать девушки подняла тревогу, обзвонила всех подружек, сама поехала в университет – и не узнала ровным счетом ничего.

Пятнадцатого августа узнать результаты экзаменов отправилась восемнадцатилетняя Вероника Дубинина. Большие ее никто не видел.

Все четыре похищения произошли в дневное время, когда, несмотря на каникулы, и в самом университете, и в его окрестностях довольно-таки многолюдно. Тем не менее ни одного свидетеля исчезновения будущих студенток найти не удалось.

Скорее всего, девушек под каким-либо благовидным предлогом завлекали в укромное место, откуда они уже не могли вырваться на свободу. Найти такое место в стенах университета несложно: соединенные между собой системой переходов многочисленные корпуса для новичка – настоящий лабиринт. Кроме всего прочего, у этого лабиринта более двадцати выходов, которыми можно воспользоваться совершенно незаметно».

«Аномальная зона в нашем городе!»

Хорошо известно, что на Земле существуют места, где загадочно исчезают люди. Например, в горах Тибета пропала половина альпинистов из большой экспедиции. По утверждениям тех счастливиц, кому повезло вернуться домой, на определенной высоте отказывает компас – его стрелка начинает вращаться, как заведенная, по часовой стрелке. А у людей туманится сознание, и они теряют ориентацию в пространстве.

Возможно, такая аномальная зона появилась и в нашем городе?

Но есть свидетели и другого рода необъяснимых явлений. Через неделю после исчезновения Вероники Дубининой в двадцати километрах от вуза несколько свидетелей видели в темном вечернем небе странные огоньки, которые образовывали ровный светящийся треугольник. НЛО? И тут же возникла новая гипотеза – несчастных студенток для каких-то опытов похитили пришельцы из космоса. А если вспомнить, что все исчезнувшие – молодые и красивые девушки, можно догадаться, какие именно эксперименты хотят проводить инопланетяне. Но, может, пропавшие еще вернутся на Землю?»

«Похищения в соседнем вузе!»

Городским Бермудским треугольником оказался не только государственный университет. В медицинском институте пропали две матери студенток!

Четырнадцатого июля Дарья Романовна Михайлова пошла со своей дочерью Натальей в медицинский институт. У Натальи в этот день была консультация, по времени это длится часа полтора, поэтому дочь уговаривала маму не ждать ее, а пойти домой. Но Дарья Рома-

новна, как обычно, осталась сидеть в коридоре. Консультация закончилась, Наташа вышла из аудитории, но не увидела своей матери. Она расспросила находившихся рядом женщин, обежала соседние коридоры, заглянула во все незапертые кабинеты на этаже... Дарья Романовна исчезла бесследно. Оказалось, что дома ее тоже нет. Никто из друзей семьи и родных не договаривался с ней о встрече, она никому не звонила.

Куда же могла пропасть немолодая семейная женщина? Она точно не могла внезапно познакомиться с каким-то молодым человеком и уехать с ним, забыв о дочери.

Дарье Романовне весной исполнилось пятьдесят три года. Двадцать восемь лет она работала с детьми, преподавала литературу для старших классов. Жила семья небогато, они отказывали себе во многом, но зато откладывали деньги на обучение дочери. Для того чтобы Наталья поступила в институт, ее мать была готова свернуть горы. Наташа была поздним ребенком и часто болела. Поэтому мать очень хотела, чтобы дочка стала медиком. Дарья Романовна жила только дочерью, ее будущим. Когда Наташа сдавала экзамены, мама всегда ждала ее у дверей аудитории.

Беда редко приходит одна. Отец Наташи, проживший с женой более тридцати лет, слег, поняв, что никогда уже не встретит любимую супругу на этом свете. Прибывшая «Скорая» пыталась его откачать, но до больницы довезти не успела. Он скончался в машине от обширного инфаркта.

После смерти отца Наташа впала в депрессию. Еще пару дней назад у нее была полная, счастливая семья, и вдруг – в восемнадцать лет – она осталась круглой сиротой, одна-одинешенька на всем белом свете.

Соседка Наташи, очень любившая ее мать, переживала за Наталью, убеждала ее не бросать медицину, продолжать учебу – хотя бы ради матери. Она рассказала: «Перед тем как поехать в последний раз в институт, Даша пришла ко мне со всеми старыми фотографиями, стала рассказывать о детстве маленькой Наташи, а под конец горько-горько заплакала. Я ее успокаивала, говорила: «Ты же радоваться должна, твоя дочка в институт поступила, на врача выучится. Твоя мечта сбылась». А она все никак не успокаивалась. Как будто предчувствовала беду...»

С тех пор прошло полтора месяца. Надежда на то, что женщину найдут живой и здоровой, практически исчезла...

А восемнадцатого июля пропала мама второй абитуриентки – сорокатрехлетняя Нина Шатрова. Вместе с дочерью она приехала узнать результаты экзаменов в медицинском институте – и не вернулась.

Кто будет следующей жертвой?»

«Сатана тут правит бал!»

Руководство государственного университета уверяет прессу, что пропавшие девушки состояли в секте идолопоклонников. Но мы не исключаем такого варианта, что девушек могли вывезти в рабство в Турцию или в Среднюю Азию».

Я с досадой отбросила газеты прочь. Идиотопоклонники! И не лень же людям сочинять всю эту чушь! Одна из журналисток каким-то образом проникла в больницу, где после тяжелого инфаркта лежала несчастная Надина. После короткого интервью у бедной гадалки диагностировали второй инфаркт. Теперь она находилась в реанимации. Единственное, что немного примиряло меня с жизнью, – в реанимации у всех отбирали мобильники, и Надина не могла каждый час звонить мне и с рыданиями требовать, чтобы я нашла ее дочь.

Девочку искала большая следственная бригада во главе с Оскаром. Все четыре исчезновения объединили в одно дело, к работе были привлечены психологи и психиатры. Прошло две недели, но пока что следствие не продвинулось ни на шаг. Маша по секрету рассказывала: никто из криминалистов не верит, что девочек похитили, чтобы переправить в зарубежные

бордели. Какая Средняя Азия, какая Турция! При сходных обстоятельствах – среди бела дня – из многолюдных вузов исчезли четыре молодые девочки и две немолодые женщины. Вряд ли преступники пошли бы на такой риск, чтобы отправить через десять границ в импортные бордели пожилую учительницу. Да и похищать девчонок – зачем? Многие юные дурочки из бедных семей и так доверчиво едут за рубеж на заработки и, пересекая границу, отдают сутенерам свои документы. Вот их и продают в бордели в странах третьего мира.

Мой муж Саша тоже не верил, что девушек похитили, чтобы продать в бордели. Слишком велик риск, слишком трудно перевезти живой товар за семь морей. Наверняка бедняжки стали жертвой серийника. Правда, Саша утешал меня тем, что крохотный шанс у девушек все же есть. Может, маньяк не сразу убивает их, а держит в каком-то подвале или на даче, где он образовал свой, безумный, гарем? Или он их убивает, но – вволю «наигравшись», и лишь тогда похищает следующую жертву. По крайней мере, в этом случае у Вероники, пропавшей последней, еще оставался шанс. Вот только найти ее надо было как можно быстрее.

Весь университетский комплекс был тщательно обследован оперативниками. Попытались смоделировать возможные варианты вывода (или выноса) похищенных из здания, но быстро отказались от этой затеи – в университете имеется более двадцати входов-выходов. Но вот что удивляло – похищения в университете и в мединституте происходили в дневное время, когда повсюду было многолюдно. И тем не менее – ни одного свидетеля!

Психологи единодушно утверждали: такого еще не было в следственной практике! Серийные исчезновения случались, однако все они имели свои, особые признаки. В Новосибирске маньяк убивал проститутку. В Москве маньяк нападал на женщин, одетых в красное. Поэтому сначала за истину принимался тот факт, что исчезнувших в течение июня – августа абитуриенток государственного университета объединяет только возраст: всем пропавшим девушкам было по восемнадцать-девятнадцать лет, длинные волосы – у всех, и то, что все они были из благополучных семей. Но девушки были разными по внешности и по характерам. Тихая домашняя девочка с толстой русой косой – Жанна, стройная яркая брюнетка – Анжелика, отнюдь не отличающаяся кротким нравом... Конопатая малютка Тоня с рыжими непослушными кудряшками была девушкой спокойной, даже флегматичной. Пухлая шатенка Вероника была обычной девчонкой, хохотушкой и непоседой. К тому же – единственная из пропавших девушек – она носила очки. Девочки отличались друг от друга, как Африка от Азии и Европы. А подоспевшие сведения о пропавших мамах и вовсе завели следствие в тупик.

Рассматривая возможные версии, следственная группа давала свои объяснения тому, как преступнику удавалось увлечь за собой взрослую девушку или женщину навстречу их гибели. Можно было предположить, что маньяк – кто-то из сотрудников университета. Или скорее всего человек, «работающий» под такого сотрудника. По мнению опытных психологов и врачей-психиатров, речь могла идти именно о маньяке. Представлялось, что силой он девушек никуда не затаскивал. Просто перед ними появлялся человек, предлагавший абитуриенткам какую-то помощь: заполнить бланк, найти аудиторию, узнать результаты экзаменов... Или перейти на другой, более престижный факультет. И предлагал им пройти вместе с ним.

Соответственно вырисовывался облик преступника. Чтобы вызвать доверие у намеченной жертвы, он должен был выглядеть как типичный вузовский работник: не носить вычурной одежды, иметь грамотную речь, знать какие-то специфические особенности, свойственные данному учебному заведению, элементарную вузовскую терминологию. Предполагаемый преступник являлся, видимо, неплохим психологом. Вероятно, некоторое время он присматривался к намечаемой жертве: какая из девушек может оказаться наиболее доверчивой?

У меня же была другая версия происходящего. Девушки вряд ли бы пошли следом за незнакомым мужиком, даже будь у него повадки преподавателя и профессорские очки. Но вот если они видели этого мужчину в комиссии во время экзаменов... О, тогда их доверчивость становилась вполне объяснимой! Как они могли заподозрить в чем-либо дурном

НАСТОЯЩЕГО профессора? А значит, искать преступника следовало среди преподавательского состава. Причем в расчет надо брать лишь тех, кого девушки могли видеть во время экзаменов, консультаций или в деканате, во время подачи документов.

Разумеется, требовалось рассмотреть и другую версию – каждая девочка знакомилась в здании универа с симпатичным парнем. Он мог представиться им абитуриентом или студентом и легко уболтать их выпить с ним вместе чашечку кофе в ближайшем кафе. А поскольку летом университетское кафе не работает, он мог предложить девушке подвезти ее на машине до ближайшего ресторанчика. Эта версия выглядела бы вполне правдоподобной, если бы не две пропавшие матери студенток. Пятидесятитрехлетняя и сорокатрехлетняя замужние женщины, ожидавшие дочерей в фойе, не стронулись бы с места ни под каким предлогом. Хотя... А если парень им приглянулся как потенциальный зять? А опасности от милого мальчика они уж точно не ожидали.

Пятнадцатого августа похищения прекратились, но всем было ясно, что это лишь временное затишье. Остановить маньяка способна только пуля.

Я позвонила в приемный покой кардиологической больницы и узнала, что Надежде Дубининой стало немного легче и завтра ее переведут в обычную палату. Я тяжело вздохнула. Отсрочка закончена. Пора мне приниматься за дело. Учеба в вузах начинается завтра, но уже сегодня в универе наверняка полно народу. Пойду туда потусуюсь, что ли...

Универ действительно гудел, как растревоженный улей. Занятия вроде бы еще не начались, но народ толпился повсюду, словно в разгар учебного года. У входа сидела все та же бабуся и вязала на сей раз огромный розовый шарф – или это был театральный занавес? На меня она по-прежнему даже не взглянула. На доске объявлений висели огромные цветные фотографии четырех пропавших девушек, у входа дежурили несколько патрульных машин. А по коридорам бродили стайки студенток, вполголоса обсуждавших исчезновения абитуриентов. Но они меня не интересовали. Допросы всех, кто был в универе в те дни, велся круглосуточно, но ничего интересного пока что не выявили. Под подозрение попал преподаватель одной из кафедр ГУ, который постоянно приставал к студенткам, обнимал их за плечи и говорил комплименты. Его даже проверяли на детекторе лжи. Но вскоре подозрения с него были сняты – у мужика оказалось алиби на оба июньских похищения. Почти весь июнь он провел в Турции и заманить куда-то девушек никак не мог.

Я неторопливо прогуливалась по коридору. Одиноких девушек вокруг не наблюдалось, только парочки или небольшие компании. Не то девчонки заранее договаривались о совместном походе в универ, не то, попав в здание, они тут же сбивались в стайки. Интересно, что теперь будет делать маньяк? Переключится на студенток другого вуза?

Но пока этого еще не произошло, я должна привлечь его внимание к себе. И я этого добьюсь! Во-первых, по самым темным уголкам универа я буду бродить одна, всячески облегчая маньяку задачу. Во-вторых, у меня возникла интересная теория о том, как он выбирает жертвы. Ради того, чтобы проверить это предположение, придется мне рискнуть своим добрым именем. Если меня в таком виде увидит хоть кто-то из знакомых... Я невольно передернулась. Ладно, универ я закончила уже давно, авось пронесет, никого из знакомых я тут не встречу.

Я завернула за угол, и тут мое внимание привлекла высокая одинокая девица, понуро стоявшая у дверей деканата. Девушка привлекала внимание боевой раскраской юного румяного лица, суперкороткой ярко-синей юбочкой и длиннющими ногами. Она растерянно оглядывалась по сторонам, затем некоторое время стояла, опустив глаза долу, затем поднимала голову, отбрасывала назад упавшие на лицо длинные русые волосы, делала робкий шагок назад и снова, словно примагниченная, прилипала к стенке у заветной двери. Интересно, что это за танец? Я остановилась у подоконника напротив нее и задумалась. По идее, эта девица сейчас – единственная, кто может привлечь внимание серийника, ежели он действительно один из преподавов универа. Ну, кроме меня, разумеется. С другой стороны, если я останусь здесь, нас

будет двое, и маньяк ни к одной из нас не подойдет. Где бы мне пристроиться, чтобы не терять девицу из поля зрения?

Пока я раздумывала, девица вдруг отлипла от стенки и быстро направилась ко мне, звонко цокая высоченными шпильками. В нос мне волной ударил горьковатый аромат лилий, и я на минуту задержала дыхание. Я плохо переношу насыщенные запахи, а на лилии у меня вообще аллергия. А девушка, похоже, вылила на себя целый флакон духов!

– Ты кто? – дерзко глядя мне в глаза, спросила она. – Только не ври, что студентка! Стара ты для учебы, мамаша...

От такой наглости я на минуту лишилась дара речи. Мне еще не исполнилось и тридцати, а нахалке было примерно двадцать два – двадцать три года. Надо же, «доченька» нашлась!

– Я моложе тебя, – холодно ответила я, когда смогла наконец заговорить. – Лет на пять, как минимум. Тебе тридцатник скоро будет?

– Не будет, – усмехнулась девица. – А вот тебе – будет, точно! И что ты тут делаешь, спрашивается?

– А тебе какое дело? – Я искренне недоумевала.

– Выйдем, узнаешь! – Взгляд девицы стал пристально-цепким. Я на секунду замешкалась. Стоит ли выходить? Я была уверена, что похититель – мужчина. Просто потому, что серийники всегда оказывались мужчинами. Но вдруг это женщина? Тогда можно допустить, что девушкам она представлялась абитуриенткой, и они не подозревали дурного, когда новая подружка приглашала их, к примеру, заглянуть в ближайшее кафе... И спокойно садились в ее машину.

Что же, сделаю вид, что я – такая же простодушная дурочка. Надо выйти вслед за девицей, посмотреть, куда она меня поведет. Если получится, запомнить номер ее машины. Все же хоть какая-то информация. Я кивнула и пошла вслед за дылдой.

Мы вышли из какого-то бокового прохода. Девушка быстро обернулась, усмехнулась и, ускорив шаг, жестом предложила мне завернуть за угол. Я поспешила за ней, чтобы не потерять из виду. Почти бегом обогнула здание, услышала сзади шорох шин, почувствовала боль в вывернутой за спину руке и, не успев даже толком осознать происходящее, оказалась на заднем сиденье небольшого автомобиля.

Глава 3

Не успела я как следует испугаться, как мерзкая девица приземлилась рядом и затараторила, обращаясь к затащившему меня в машину парню:

– Серега, эту надо в управление тащить! Сам видишь, для студентки старовата, да она точно не студентка! Долго шлялась по коридорам, ни к кому не подходила, никуда не заходила, только к девушкам присматривалась. Искала одиночек, видимо. Как меня увидела, сразу к подоконнику прилипла. Начала охоту. А погляди, как она одета!

Я лишь вздохнула. В самом деле, мой вид наверняка вызывает подозрения. Надо прояснить недоразумение и вернуться в универ.

– Ну что, гражданочка, показывайте документы, – сурово сказал парень, слегка ослабив хватку.

– Можешь, сначала руку отпустишь? – огрызнулась я. – Я не умею левой рукой сумочку открывать.

Парень отпустил мою правую руку, я потрясла ею в воздухе и гордо заявила:

– Звони Оскару, своему начальнику, и спроси, знает ли он Полину Кудрявцеву!

Девушка слева слегка ойкнула. Внимательно посмотрев на меня, парень быстро набрал номер и четко произнес:

– Олеся Поплавская задержала подозрительную женщину неопределенного возраста, в странной одежде и со странной прической. Женщина бродила по коридорам университета и присматривалась к одиноким девушкам. Она называет себя Полиной Кудрявцевой и уверяет, что вы ее знаете... Да?..

Через минуту лицо парня расплылось в довольной ухмылке. Рыкнув: «Будет исполнено», он нажал на «Отбой» и обернулся ко мне:

– Ну что, Поля-Поленька... Закончилась на сегодня твоя разыскная деятельность, – в его голосе прозвучало напускное сочувствие. – Знает тебя Оскар. Говорит, вечно ты не в свои дела нос суешь, спецоперации срываешь... Так что велело начальство держать тебя в машине до конца операции, а потом довезти до дома и сдать под расписку на руки супругу, – тут он не выдержал и довольно заржал.

– Ты шутишь?! – не поверила я своим ушам. – Не мог Оскар такого сказать!

– Он еще и не такое сказал, – заверил меня Сергей. – Но я же не могу при дамах это повторять!

Олеся сдержанно фыркнула:

– Ладно, Серега, пошла я обратно на пост.

– Да вы что, сдурели! – вскипела я. – Я же не зря так оделась. У меня есть все шансы привлечь к себе внимание маньяка!

– Ага, и стать пятой жертвой, – согласно кивнул Сергей. – В общем, приказ начальства обсуждению не подлежит. Будешь тут сидеть, пока сверху не дадут отбой. А потом я тебя домой отвезу. Олеся, давай, на выход!

Девушка выскочила из машины. Я рванулась было за ней, но Сергей уже схватил меня за руку. Реакция у него оказалась не в пример лучше моей.

– Ну ладно! – чуть не плача, сказала я, одной рукой достала из кармана мобильный и позвонила Маше. Но оказалось, она уже в курсе ситуации.

– Полька, ты совсем сдурела! – не дав мне договорить, невежливо перебила она. – Ты хоть соображаешь, куда сунулась?! Девушки и женщины пропадают средь бела дня, ни одной зацепки, а тут еще ты!

– Но я поняла, по какому принципу он отбирает жертвы!

– Я тебя сегодня с одним психологом познакомлю, ему и расскажешь. А пока сиди тихо и не отсвечивай!

– Да почему мне туда нельзя?

– Блин, дура! – Я аж подавилась слюной. Не ожидала такого от всегда спокойной Маши! – Тебя затащили в машину только что, ты и пикнуть не успела. А если б это был маньяк?

– Но их было двое! – слабо запротестовала я.

– Да я и один справился вообще-то, – с напускной серьезностью заявил Сергей.

– Все! Еще вякнешь, лично позвоню Саше – пусть приезжает и тебя забирает, – отчеканила Маша и отключилась. Я невольно поежилась. Даже представлять себе не хотелось, как перепугается мой муженек, если ему скажут – жена его вновь вышла на тропу войны с маньяками.

Собственно, никаких иллюзий по поводу меня у Саши не было. Мы познакомились в очень интересном месте – фирме эскорт-услуг, где мужчины с нетрадиционной сексуальной ориентацией подбирали себе девушек для сопровождения. На роль проститутки я бы не согласилась, но предложение за большие деньги всего лишь изображать чью-то подружку показалось мне заманчивым. От меня требовалось немного – пару раз в неделю сопровождать какого-нибудь извращенца или импотента на официальные приемы и дружеские вечеринки, чтобы его друзья и родственники думали, что у мужичка ориентация правильная и с потенцией все – ого-го! Деньги мне нужны были позарез, да и дух авантюризма взял свое...

Саша не был гомосексуалистом, но после сильного стресса надолго утратил интерес к девушкам. Он был моим первым потенциальным клиентом, и при нашей встрече чувствовала я себя, надо признаться, просто отвратительно. Руки-ноги тряслись, мысли путались, и я была уверена, что мои услуги никому не понадобятся. Я вошла в полутемный кабинет, где сидел мой будущий муж, и вначале мне показалось, что в помещении пусто. Мои глаза не сразу привыкли к темноте, и лишь через пару минут я наконец увидела в глубине кабинета невысокого паренька, забывшегося куда-то в угол, в небольшой промежуток между письменным столом и окном. Он стоял, почему-то держась за подоконник, и молча, без улыбки смотрел на меня.

При виде этого скромняжки все мое смущение сразу прошло. Я почувствовала себя смелой и опытной женщиной и тут же предложила бедолаге искреннюю дружбу. Вот так у нас все и началось. Мы встречались сначала как клиент и эскорт-девица, потом – как добрые друзья. Саша до двадцати девяти лет оставался девственником, и все мои попытки его соблазнить наткнулись на каменную стену дикого сопротивления. Лишь через много месяцев травму удалось преодолеть, я стала его первой женщиной. Пока что – единственной, и надеюсь, так будет и впредь.

У Саши маленькая фирма по производству свечей. Он не олигарх, но на жизнь вдвоем нам бы хватило и без моего гадального салона. Но, как ни странно это звучит, я люблю свою работу. Мне скучно жить без тайн и загадок. Если я не могу их разгадывать, мне приходится их создавать. Я развлекаю клиентов намеками на ожидающую их чудесную жизнь, дальнюю дорогу, на новую любовь со стороны сразу двух роковых красавцев, и эти волшебные истории восполняют нехватку адреналина в их обычной жизни. Впрочем, иногда я и свою жизнь превращаю в настоящий триллер. Вот как сейчас.

Мы живем вместе с Сашей уже довольно долго, и все это время я влезаю в дела, которые меня вовсе не касаются. Подвергаю опасности свою жизнь. Как и положено, муж всегда рядом со мной, в горе и в радости и во всех опасных приключениях – тоже. Он боится за меня, но помешать мне влезать не в свое дело не может.

Я грустно покивала в такт своим мыслям. Да, такую жену я не пожелала бы и врагу! Авантюристкой я родилась, авантюристкой и помру... Я невольно передернулась. Пожалуй, не стоит сейчас думать о смерти. Сергей давно отпустил мою руку, я откинулась на спинку сиденья, села поудобнее и решила больше не травить себе душу. Кажется, засела я тут надолго,

пора расслабиться и получать удовольствие. Хотя бы от того, что Саше пока не позвонили. И от того, что меня не отправили сразу домой (видимо, у них машины свободной не было). Так я хоть узнаю, чем операция закончилась. Хотя... скорее всего пшиком.

Можно поболтать с Сергеем, ему наверняка скучно без дела сидеть. Он на вид не противный, даже милый. Курносый, белобрысый, невысокий и коренастый. И улыбка у него озорная. Но я на него зла, так что лучше молча поразмышляю. Горьковатый аромат лилий, которым, похоже, пропиталась вся машина, мешал сосредоточиться, но долго размышлять мне и не дали.

– Слушай, а в самом деле – чего ты так вырядилась? – не то парень не мог сдержать любопытства, не то просто измучился от безделья. – Или ты всегда так ходишь?

– Всегда, – огрызнулась я. – Как родилась, на меня это тряпье вместо ползунков надели.

– И ты ни разу не переодевалась с тех пор? – ужаснулся парень.

Я невольно фыркнула. Чувство юмора у парня неплохое, ладно, поговорю с ним.

– А ты сам подумай – по каким признакам маньяк отбирает свои жертвы? – тоном школьной училки произнесла я.

– Ну... не знаю. Молодые, длинноволосые. Все вроде.

– А как же две женщины не первой молодости? Кстати, обе – с короткими волосами?

– Да не знаю я. Может, тех вообще кто-то другой похитил? С чего все взяли, что это тот же самый?

– Слишком много совпадений, – терпеливо пояснила я. – Те две женщины тоже пропали среди бела дня. Из вуза, в котором в то время было немало народу. И – ни одного свидетеля.

– Ох, ты просто не знаешь, сколько народу каждый день пропадает, – вздохнул Сергей.

– И все – среди бела дня? Заходят в приличный вуз, чтобы дождаться дочку, и исчезают? Взрослые женщины, не юные вертихвостки?

– Ну и? – заинтересовался парень. – Ты решила прикинуться старой бабкой, чтоб маньяка привлечь?

Я обиженно надула губы. Нет, я вовсе не собиралась прикидываться дамой бальзаковского возраста. Надевая старое розовое платье с рюшами, которое носила еще моя мама, ее же древние сандалии и заливая лаком высокую старомодную прическу, я преследовала совсем другие цели.

– Да не обижайся! – засуетился парень. – Мне ж правда интересно!

– Что, я выгляжу древней старухой?

– Ну... как сказать... – протянул парень. – Не, не буду ничего говорить, опять обидишься! Давай лучше про свой план расскажи.

Я еще чуть-чуть подулась на него и продолжила:

– Так вот. Маньяк всегда подбирает жертвы по какому-то общему признаку. И пока психологи ломали голову, что же объединяет жертвы в данном случае, мне пришло в голову: да именно то, что они – совсем разные!

– Ну и? – поторопил меня не совсем уловивший эту мысль Сергей.

– Ну и вот! Смотри сам: полная, худая, высокая, низкая, черная, светлая, рыжая, пожилая, старая... Он собирает КОЛЛЕКЦИЮ!

– Ух ты! – восхитился Сергей. – Звучит классно, вроде как на правду похоже. А вдруг нет?

– А какой другой вариант ты можешь предложить? – ехидно поинтересовалась я. – Общий признак у жертв обязательно должен быть. Так это он и есть – ни одна девушка не должна походить на другую.

– Ага. И ты решила сделать так, чтобы ни на кого не походить. – Парень довольно закивал, радуясь своей проницательности. – Сразу скажу – у тебя получилось! Я сначала принял тебя за свою покойную бабушку. Перепугался не на шутку, чуть не описался!

– Ты мне не веришь? – возмутилась я.

– Ну что ты, конечно же, верю! – Парень сделал серьезное лицо. – Считаю, ты совершенно права. Одну сотрудницу надо нарядить в цыганку, другую – в испанку. А тебя... о, вот идея! Одноглазых девушек маньяк еще не похищал! Мы тебя загримируем под пиратку, будешь с черной повязкой на глазу щеголять! Ну точно же, никто не устоит! Маньяки стаями сбегутся, все твои будут. А напоследок навестишь наше учебное заведение в модном прикиде – в смирительной рубаше. Когда тебя из психушки на выходные отпустят.

– Тьфу на тебя! – с досадой вымолвила я. – Я тут распинаюсь, а ты...

– А я что? Я-то тебя поддерживаю, – торжественно произнес он и, уже начиная хохотать, добавил: – А главное, будешь начальству нашему все докладывать, так и скажи: Сергей Иванцев тоже считает, что ловить маньяка надо исключительно в этом наряде – в смирительной рубаше!

Я отвернулась от неприлично ржавшего парня. До чего же меня достали заботливые друзья и тупые придурки! Все, решено – больше не скажу ему ни слова. Пусть себе дальше ухатывается, я его веселить не нанималась.

Наконец дурацкое ржание прекратилось и парень возобновил попытки со мной поговорить. Но не на ту напал! Я просто делала вид, что не слышу его. Минут через десять он тяжело вздохнул:

– Ну, шуткую я так, чего ты хочешь от простого шофера? Хватит дуться, лучше скажи, что ты про лжедекана думаешь?

– Про кого? – Я мигом забыла обиду.

– Как про кого... Ты ж подружка Оскара, неужто не знаешь? – прищурился Сергей.

– Не Оскара, а его жены Маши, – машинально поправила я его. Чуть подумала и небрежно сказала: – Да вроде Машка говорила про кого-то... Напомни.

– Ну, ты даешь! – обиделся теперь уже он. – Если подруга тебе не сказала, думаешь, я скажу?

– Так ты уже сказал!

– Что? – хитро спросил он. – Что я сказал-то?

– Про лжедекана.

– Не знаю такого, – твердо ответил он. – Я и декана-то не знаю, гимназиев не кончал.

– Да ну тебя! – рассердилась я. – Ну скажи, кого ты имел в виду?

– Давай я тебе анекдот расскажу, – начал Сергей. – Забавный.

– Нет!

– Ну и фиг с тобой, – устало выдохнул он. – Чего ты ко мне пристала? Спроси подружку, она все расскажет. А мне по башке мигом дадут. Ты ж язык за зубами держать не станешь.

– Ладно, спрошу Машу, – признавая его правоту, согласилась я. – Рассказывай свой анекдот.

За анекдотами мы довольно мирно провели около часа. Потом в машину села усталая и мрачная Олеся. Как и следовало ожидать, ни к ней, ни к четверем ее напарницам, дежурившим на разных этажах, никто подозрительный даже не приближался. Меня отвезли до дома, Сергей радостно замахал рукой напоследок, а Олеся даже не кивнула. Похоже, она почему-то считала именно меня ответственной за провал операции.

Саши еще не было дома. Я быстро набрала эсэмэску: «Маша, я серьезно обиделась!»

Как я и ожидала, подруга тут же перезвонила и с места в карьер взмолилась:

– Полька, хоть ты мне мозг не выедай! Оскара дрючат сверху – мол, три месяца у вас тут серийник орудовал, а вы и не почесались! Представляешь – если б не Оскар, до сих пор бы эти дела не объединили, а он еще теперь и виноват!

– Почему ты мне не рассказала про лжедекана?

– А ты откуда про него знаешь? – насторожилась Маша.

– В универе слышала, – обтекаемо сообщила я.

– Слушай, оставь ты это дело! – попросила Маша. – Странное оно какое-то, не надо тебе этим заниматься.

– Маша, ты меня не первый день знаешь – я это дело не брошу. А вот из-за того, что ты от меня правду скрываешь, я действительно могу попасть в беду.

– Ладно, слушай...

Я затаила дыхание, слушая краткий рассказ Маши. Оказалось, одна зацепка у опергруппы все же была.

Двадцать шестого августа молодая женщина ждала в холле главного корпуса своего мужа, узнававшего результаты экзамена. К ней подошел хорошо одетый мужчина и представился деканом филологического факультета. И, даже не уточнив, что тут делает дама, без обиняков спросил: «Есть трудности с поступлением? Могу помочь». Женщина разговор не поддержала. Поступала не она, а ее супруг, и его учеба на чисто девичьем факультете не вызывала у ревнивой женушки особого энтузиазма. Но «декан» не отступал. Он начал проявлять излишнюю настойчивость, пытаясь завязать знакомство. И наконец прямо сказал: «Хотите прокатиться на машине? По дороге все можно обсудить». В этот момент женщина, уже знавшая о пропаже из универа четырех девушек, по-настоящему испугалась и позвала на помощь мужа. «Декан» тут же развернулся и почти бегом вышел из здания через один из запасных выходов.

Выбежавший на женский крик муж пытался его догнать, но того и след простыл.

Остаток дня супружеская пара давала показания. С помощью дамы эксперты составили фоторобот, немногословная речь «декана» была многократно записана и проанализирована, но... где искать его, оставалось непонятным. Даме показали все без исключения фотографии работников университета, но никого, даже отдаленно похожего на «декана», среди них не оказалось.

А между тем лжедекан идеально подходил под составленный психологами портрет серийника: интеллигентный на вид, неприметное, но приятное лицо с правильными чертами, грамотная речь, хорошая ориентация на местности. Молодая женщина отлично его запомнила и готова была в любую минуту опознать, вот только самого кандидата в маньяки отыскать пока не удавалось...

– Скажи, – дослушав до конца, спросила я. – Как выглядела дама?

– Ну, высокая, с длинными русыми волосами, в короткой юбке, на шпильках... Что тебя еще интересует?

– Именно это. То есть она была опять же непохожа на других пропавших?

– Да я бы так не сказала... Ты имеешь в виду юбку? Она короче, чем у остальных, это да.

– Я типаж имею в виду.

– А! Нет, типаж, как у Жанны, только ростом повыше.

– У меня есть теория! – возбужденно сказала я. Маша попыталась отказаться от выслушивания теории, но сбить меня с пути ей не удалось. В отличие от придурочного Сереги Маша внимательно выслушала все мои доводы, пообещала передать их психологам группы и на прощанье еще раз слезно попросила меня в расследование не вступать.

– Машенька, а если девушки живы? Вдруг я смогу выцепить этого лжедекана, или кто он там, и мы их найдем еще живыми? Ну, хотя бы Веронику...

– Ее уже нашли. Вчера, – сухо сказала Маша.

– Как... где она? – мой голос внезапно сел.

– В морге. Сегодня сделали экспертизу ДНК, врачи из кардиологии передали нам образцы крови ее матери. Это она.

Глава 4

Веронику и Надину похоронили в один день. На кладбище, кроме нас с Сильвией и еще двух гадалок, был отец Вероники, три ее подруги и около десяти оперативников. Гроб несли нанятые носильщики. Пышные липы и березы со слегка пожелтевшей листвой делали кладбище похожим на дивный парк, но сегодня тут было несколько жутковато. Меня поразила неестественная, воистину гробовая тишина, царившая вокруг. Не было слышно перешептываний, сдавленных рыданий – даже птицы, похоже, перестали петь. У девочек на лицах было искреннее потрясение – такого просто не могло случиться с их ровесницей! Гадалки вместе с Синтией уже выплакали все слезы в салоне. А я не могла даже плакать, настолько меня пугало чувство, что теперь я осталась на белом свете одна. Вот была тетка, пусть не самая заботливая, но моя мама ей благодарна до сих пор. Была сестра, с которой я хотела подружиться, только времени все не хватало. Конечно, со мной остались мамочка и любимый муж, но внезапно возникшая пустота камнем давила на сердце. Кроме того, горло сжимало жуткое чувство вины. Все казалось – если б я сразу же позвонила Маше! Если б они начали пеленговать сигнал мобильного на час раньше, может, мы обнаружили бы машину, в которой увозили девочку!

Это чувство вины усилилось после смерти Надины. После второго инфаркта, уже понимая, что умирает, она уговорила молодую женщину-врача пропустить меня в реанимацию. Ее запавшие глаза смотрели на меня с настоящей ненавистью:

– Моя девочка... Она одна у меня была, я ее для себя растила. А какой-то гад... Он один раз использовал ее – и сломал, как ненужную игрушку. Выбросил ее на помойку, а сам живет, наслаждается жизнью! Я умираю, мне его не достать... Полина, обещай – ты его найдешь! Обещай прямо сейчас! Обещай же! – Она попыталась приподняться на железной койке, но тут же со стоном рухнула обратно. – Я умру сейчас, но я и тебя возненавижу!

Почти не отдавая себе отчета в своих словах, я пообещала найти убийцу. Надина сразу же затихла, ее запавшие глаза теперь смотрели не на меня, а куда-то в неведомую даль. Наверное, в тот бесконечный черный туннель, откуда нет возврата... Я тихо вышла из реанимации и, не разбирая дороги, пошла по осеннему городу.

А теперь, на похоронах, остановившийся взгляд Надины преследовал меня, словно впинаясь мне в затылок. Несколько раз я вздрагивала и невольно оглядывалась, как будто моя тетка не лежала в гробу передо мной, а стояла за спиной. Но вот церемония закончилась, гроб стали засыпать землей. Сухой шорох среди полной тишины звучал, как шипение змей, и бил по напряженным нервам. Я отошла в сторону и резко обернулась, когда кто-то дотронулся до моего плеча.

– Полина, не сердись... – прошептала Олеся. Сегодня она была одета в длинное черное платье и черные босоножки без каблуков. Косметики на ее лице почти не было, и она выглядела какой-то болезненно-бледной. Даже аромат лилий, ее духов, звучал как-то приглушенно, не вызвав у меня стойкого ощущения удущья. – Почему все молчат? Как страшно...

Я сглотнула застрявший в горле комок:

– Всем страшно...

– Я вчера осталась в универе после девяти вечера, – тихо сказала Олеся. – Бродила по полупустым коридорам. И как будто тени вокруг мелькали... Я подумала – а вдруг девушки там? В каком-нибудь закоулке или в подвале? Может, кто-то из них еще жив? Хотя нет, не может этого быть.

Я замотала головой:

– Олеся, я сама заканчивала универ. Там нет тайных лабораторий и подвалов. Где нашли Веронику?

Одежду Вероники нашли через неделю после ее исчезновения, на детской площадке небольшого скверика, почти у черты города. Скверик прилегал к большому лесопарку на самой окраине. Джинсы и футболка – порванные, но без следов крови. А двадцать девятого августа по номеру «ноль два» позвонил неизвестный и сообщил, что в лесопарке он наткнулся на полуразложившийся труп раздетой девушки. Когда останки доставили в анатомичку, выяснилось, что на руке у нее – белые часы-браслет, которые Вероника надела в тот роковой день. Эксперты запросили в кардиологии образец крови Надежды Дубининой, и уже к вечеру ответ был готов – в прозекторской лежала именно Вероника. Точное время смерти выяснить не удалось, но эксперты готовы были утверждать, что погибла она не позднее чем через сутки после своего исчезновения. Причина смерти – удушение тонким шнуром, скорее всего, обычной рыболовной леской. Была ли девушка изнасилована, выяснить, увы, не удалось.

– Мне сказали, ты гадалка, и неплохая, – вдруг выпалила Олеся. – Как же так – ты сразу не могла погадать и сказать, что она мертва?

– Я не буду раскладывать карты на пропавших девушек, – твердо ответила я. – Мне хочется сохранить хоть каплю надежды.

– А твои карты не могут подсказать, где искать убийцу?

– Увы, – вздохнула я. – Не говорят они такого. И в розыске пропавших не помогают. Я не могу найти убийцу или чей-то труп.

– Серега говорил, что ты придумала какой-то дикий способ: ловить маньяка, одевшись в маскарадный костюм? – неожиданно выдала Олеся.

– Тьфу, приколист! – с досадой бросила я. – Да не в костюмах тут дело, а совсем в другом...

Олеся внимательно выслушала мою теорию о «коллекции» жертв. Высмеивать меня она не стала, но недоверчиво спросила:

– А ты не думаешь, что все намного проще? Он просто подходит к той, что стоит в коридоре одна, без подружек. И неважно, как она выглядит.

– Но ты согласна, что все его жертвы не похожи друг на друга? – уточнила я.

– Да какая разница? – вздохнула Олеся. – Девушки, может, и не похожи, зато похожи их семьи. Их матери. Они небогатые все и всю жизнь копили деньги, отказывали себе во всем, только чтобы их дочери смогли учиться. Учеба дорогая, чтобы поступить на бюджетное место, надо взятки давать. А платное отделение еще дороже выходит. Так что эти матери готовы были работать сутками, не есть и не спать...

– У двоих девушек были полные семьи, – осторожно возразила я. – И не такие уж бедные.

– У них лишних денег все равно не было, – убежденно помотала головой Олеся. – Я знаю.

Пока мы беседовали, гроб засыпали землей, и народ потихоньку потянулся к воротам. Я обратила внимание на довольно молодого мужчину в тонких очках с металлической оправой. Невысокий, худощавый, с приятным интеллигентным лицом. Но его светло-серый модный плащ с серебристыми пуговицами не соответствовал траурной церемонии, впрочем, как и выражение лица, на котором играла слабая загадочная улыбка. Он держался особняком и, мягко говоря, не выглядел сильно опечаленным. Я дотронулась до руки Олеси и глазами указала ей на неизвестного.

– А, универ решил, что кого-то надо прислать на похороны. Все же у них девушка пропала, вот они и откомандировали одного из преподав.

– А почему мужчину? Там много преподав-мужчин?

Олеся задумчиво поглядела на меня, пожала плечами, повернулась и пошла по направлению к мужчине. Я двинулась следом.

– Вы друг Вероники? – грустно спросила Олеся.

– Нет, я преподаю психологию в университете, – ответил мужчина, поправляя свои модерновые очки и чуть смущенно улыбаясь. Улыбка ему очень шла, делая его лицо совер-

шенно юным и по-детски беззащитным. Впрочем, похоже, он был моложе меня, ему вряд ли стукнул тридцатник. – Позвольте представиться: Андрей Викторович. А вы наши студентки?

– Какого факультета? – невинно спросила я. – Психологического?

– Я должен угадать, с какого вы факультета? – удивился мужчина.

– Но мы же должны угадать, на каком факультете вы преподаете, – парировала я.

– Почему вы так агрессивно настроены? – казалось, мой собеседник искренне огорчился.

– Видите ли, погибла девушка, поступавшая на факультет филологии. – Я решила пойти ва-банк. – А вы преподаете, судя по всему, совсем на другом факультете. Вопрос на засыпку: почему именно вы провожаете ее в последний путь?

– То есть вы хотели спросить – не я ли убийца? – звонко рассмеялся было Андрей Викторович, но тут же испуганно затих и с опаской огляделся по сторонам. Суровые лица стоявших неподалеку оперативников слегка умилили его неуместное веселье. – Дело в том, что на филфаке преподают в основном дамы, и они дружно отказались от этой сомнительной чести. А я, как джентльмен, согласился.

Я недоверчиво хмыкнула и спросила:

– В медицинском институте вы тоже преподаете?

– Девушка, вы решили стать Шерлоком Холмсом? – с легким раздражением в голосе спросил он. – Да, я веду курс психоанализа в мединституте. Понимаю, к чему вы клоните, но с пропавшими женщинами я не знаком.

– Андрей Викторович! – раздался рядом тихий девичий голосок. – Как же не знакомы? Вы ведь видели мою мать!

Мы резко обернулись на голос. Это произнесла незнакомая девушка, которой не было на кладбище в начале церемонии. Худая, смуглая, с короткой стрижкой, длинной челкой и печальным взглядом огромных карих глаз. Рядом стоял невысокий худой парень в очках, с куцым маленьким светлым хвостиком на затылке.

– Наташа, не стану спорить, – мягко ответил психолог. – А как зовут твою мать?

– Дарья Романовна Михайлова. Она пропала в июле. Я ее дочь.

– И когда я видел твою мать?

– В тот самый день. Вы поздоровались с нами в холле.

– Возможно. – Психолог был невозмутим. – Но я ее не запомнил. Не обижайтесь, но за неделю учебы я не запомнил даже вашу фамилию. Зато помню, что вы – Наташа. – Он слегка улыбнулся.

– У нас есть сведения, что вы сами попросили деканат откомандировать вас на похороны. – Я отчаянно блефовала. Олеся с изумлением поглядела на меня, но промолчала.

– Ого! – удивился психолог. – Столь очаровательные девушки – следователи?

– Вы не ответили. – Я решила тоже уйти от ответа.

– Ну, раз вам так сказали – что тут возразить? – Он улыбнулся. – Я вызываю у вас подозрения? А почему вы допрашиваете меня прямо на кладбище?

Похоже, моя атака вызывала у него только, нездоровое веселье.

– Теперь понимаю, почему мой вопрос, наши ли вы студентки, вызвал у вас такие затруднения, – весело продолжал Андрей Викторович. – Вы ведь студентки юрфака?

Я быстро закивала. Пусть так и думает. Проверить его надо, но как-то не похож этот веселый препод на маньяка... Он словно прочитал мои мысли.

– Не похож я на кровавого убийцу?

– Вы телепат? – удивилась я.

– Нет. Я психолог, – вежливо пояснил он. – Ладно, я отвечу на ваши заданные и незадаанные вопросы. Я действительно вызвался пойти на похороны сам. Дело в том, что я пишу диссертацию о психических расстройствах личности, если проще – о различных психопатиях. Работаю на полставки в местной психиатрической больнице, но туда «чистые» психопаты прак-

тически не попадают. Так что мне приходится собирать практическую информацию буквально по крупицам. А поскольку серийные убийцы, как правило, именно психопаты, они вызывают мой пристальный интерес. Они, а также их преступления.

– А я думала, серийники – шизофреники, – удивилась я.

– Это ложное, хоть и весьма распространенное заблуждение, – вздохнул психолог. – Скажите, мы обязательно должны продолжать наш разговор здесь? Весь народ уже разошелся, а мы тут корни пустили...

На самом деле народ вовсе не весь разошелся. Мои гадалки, подруги Вероники и ее отец уже удалились, но все десять оперативников были на месте. Как и Наташа Михайлова вместе со своим худым очкариком. Наташа молчала, в упор разглядывая психолога, очкарик свесил голову и изучал свои ботинки. Но больше всего меня изумило равнодушное молчание Олеси. Девушка, похоже, вообще не интересовалась нашим разговором. Ее лицо еще больше побледнело, рассеянный взгляд блуждал по сторонам. Психолог тоже все чаще поглядывал в ее сторону.

– Вы на машине? – Я решила выжать из ситуации все возможное. – Подвезите нас, пожалуйста, до ближайшего кафе, там и побеседуем.

Психолог оказался «безлошадным». Жаль, но мое предположение, похоже, не подтвердилось. У маньяка должна быть машина, на которой он похищал девушек и женщин, так что милейший Андрей Викторович автоматически реабилитировался. Хотя... Надо будет выяснить – вдруг машина у него все же есть, но он не поехал на ней на кладбище? Тогда это подозрительно вдвойне.

Под суровыми взглядами оперативников наша маленькая сплоченная группа двинулась к выходу. Мы беспрепятственно миновали ворота и дошли до остановки автобуса, когда в сумочке Олеси зазвонил телефон.

– Да? – вяло отозвалась она. – Да не психуй ты, видишь же, я не одна. Пока не знаю. Поезжай следом за автобусом, сам увидишь. И что? Не знаю. Решай сам.

– Сергей волнуется? – тихо спросила я. – Он в тебя влюблен?

– Не... у него девушка есть, – также без эмоций сказала Олеся, наклонившись к моему уху. – Но мы же не для развлечения на кладбище пришли. Мы на задании! Сереге поручили меня «вести» и, если все пройдет тихо, на машине доставить домой. А если я кого-то странного увижу и решу с ним познакомиться, или ко мне привяжется кто-то, он должен следить за нами, ничем себя не выдав. И еще двух оперов тут же к слежке подключить – на всякий случай, чтобы ничего не упустить. А тут на тебе – я удрапала куда-то и ему не сообщила. Он не понимает: то ли я с друзьями гулять пошла – тогда он свободен. То ли я вышла на контакт с подозреваемым – в этом случае он должен быть начеку и вызвать подмогу. Вот он и уточняет.

– М-да... сложный вопрос, – не удержалась я от ехидства. – Ну и что он решил? Будет следить за тобой или поедет домой?

– А фиг его знает... Доведет нас до кафе, а там видно будет, – махнула рукой Олеся.

– А начальство у вас ничего не решает? – Мне все меньше нравилась эта ситуация. Возникло неприятное чувство, что охотой на маньяка занимался детский сад.

– Да что ты ко мне пристала? Звони ему сама! – внезапно громко и зло выкрикнула Олеся. На ее бледных щеках выступили красные пятна. Наташа и ее парень вздрогнули, обернувшись на ее крик, а психолог мягко произнес:

– Олеся, вам нездоровится?

– Да ничего... Голова закружилась. – Глаза девушки потухли, и она вновь впала в апатию. Андрей Викторович лишь покачал головой.

Мы доехали до небольшого полутемного бара с символическим названием «Последняя надежда», сели за маленький столик в глубине зала, заказали по чашке кофе, и я повернулась к психологу:

– Так что с нашими серийниками?

– Давайте сначала все познакомимся, – предложил он.

Мы с Олесей представились, Наташа просто кивнула, а худой очкарик тихо пробормотал: «Олег» – и затих. Психолог набрал в грудь побольше воздуха и лекторским голосом начал свой рассказ:

– Видите ли, девушки, шизофрения – это болезнь с определенными признаками. Шизофреник в теории может убить, защищаясь от чертей или повинаясь приказу слышного только ему голоса. Но это будут убийства в состоянии аффекта, а не те, которые мы называем серийными. Их совершают люди, вполне осознающие свои действия и способные их тщательно продумать. Это вполне вменяемые люди с так называемыми расстройствами личности – психопаты.

Психопатия бывает разной. Нас с вами интересуют психопаты трех типов, которые в принципе могут стать серийниками: истероидные, шизоидные и эпилептоидные. Постараюсь объяснить покороче.

Истероидные психопаты – люди с демонстративными чертами личности. Им требуется всеобщее внимание, и ради него они готовы на все. Такие люди убивают ради корысти либо ради славы. Причем в любом случае они сделают все, чтобы об их преступлениях говорили. Они оставляют визитки возле тел своих жертв, пишут письма в газеты – словом, всячески привлекают к себе внимание.

Шизоидные психопаты – люди замкнутые, с навязчивыми идеями. Они способны убивать ради этой идеи. Неважно, идея ли это собственного величия или «очищения города». В первом случае они вершат суд, к примеру, над нечестными чиновниками. Или над теми, кто когда-то обидел их любимую женщину. Во втором – убивают проститутку. Или людей, олицетворяющих смертные грехи. Именно таких психопатов так любят изображать киношники.

И только эпилептоидные психопаты убивают ради получения удовольствия от самого процесса. Им свойственна раздражительность, переходящая в приступы тяжелого гнева. И снимая накопившуюся агрессию они зачастую через убийства.

Как вы думаете, с каким психопатом мы имеем дело в этом случае? – тоном экзаменатора спросил Андрей Викторович.

– С эпилептоидом, – без колебаний ответила я. – Остальные вроде не подходят.

– Хороший ответ, – удовлетворенно кивнул психолог. – Я думаю так же. Итак, что нам известно об эпилептоидах?

Им свойственны приступы ярости, которая зачастую выглядит немотивированной. Но эти вспышки агрессивности лишь при первом впечатлении кажутся внезапными. Их можно сравнить с разрывом парового котла, который прежде долго и постепенно закипает. Повод для взрыва может быть случайным, это просто некая последняя капля. Приступы не только очень сильны, но и продолжительны – эпилептоид долго не может остыть.

С первых лет жизни такие дети могут подолгу плакать, и их невозможно бывает ни утешить, ни отвлечь. В детстве дисфории проявляются в виде капризов, стремления нарочито изводить окружающих, хмурой озлобленности. Рано могут обнаружиться садистические склонности – такие дети любят мучить животных, исподтишка избивать и дразнить младших.

Приступы могут быть и плодом конфликтов, которые легко возникают у эпилептоидов при общении с людьми. В состоянии аффекта проявляется их безудержная ярость – циничная брань, жестокие побои, безразличие к слабости и беспомощности противника и неспособность учесть его превосходящую силу. Эпилептоидный подросток, к примеру, в ярости способен ударить по лицу пожилую женщину, столкнуть с лестницы показавшего ему язык малыша, броситься с кулаками на заведомо более сильного обидчика. В драке обнаруживается их стремление бить противника по гениталиям. В гневе лицо такого психопата наливается кровью, на лбу выступает пот и т. д.

Любовь у представителей этого типа личности почти всегда бывает окрашена мрачными тонами ревности. Измен, как действительных, так и мнимых, они никогда не прощают. Невинный флирт партнера трактуется ими как тяжкое предательство...

Эпилептоиды стремятся к власти, поэтому выискивают себе компанию из младших, слабых, безвольных людей. В группе такие психопаты хотят установить свои порядки, выгодные для них самих. Чьими-либо симпатиями они отнюдь не пользуются, и их власть держится на страхе группы перед ними.

Психолог перевел дыхание и буднично подытожил:

– То есть нам нужен человек, не вполне справляющийся со своими эмоциями, подверженный вспышкам беспричинного гнева. Но сразу хочу сказать – психопатия проявляется так резко только в период дезадаптации. Более или менее адаптированный к окружающему миру психопат способен на людях сдерживать свои реакции. Видимо, чтобы не взорваться изнутри и выпустить пар из котла, он в данном случае и убивает.

– Это вы к тому клоните, что никак не можете быть нашим маньяком? – не удержалась я от «шпильки». Самодовольный психолог вызывал у меня постоянное желание его подколоть.

– Я истероид, если что, – с озорной улыбкой в глазах признался психолог. – Мне почему-то кажется, что вы – тоже. Правда, у нас с вами не психопатия, а всего лишь акцентуация личности. То есть некоторое дополнительное развитие демонстративных черт. А вот акцентуация по эпилептоидному типу – у нашей очаровательной блондинки Олеси.

Доселе безучастная Олеся вздрогнула, услышав свое имя. Похоже, за нашим разговором она не следила, напряженно размышляя о чем-то своем. Андрей Викторович лишь вздохнул, поглядев в ее изумленные глаза. Впрочем, ни о чем спрашивать Олеся не захотела. Я вознамерилась было выяснить, как это он определил акцентуацию молчавшей все время Олеси, но не стала цепляться к словам. Вероятно, он зацепился за ее непонятную вспышку гнева.

Мы еще немного поговорили о психопатиях и акцентуациях. Впрочем, беседовали лишь мы с психологом. Наташа и Олег внимательно слушали, Олеся по-прежнему была погружена в свои мысли. Наконец, Андрей Викторович допил остывший кофе и решительно встал:

– Прошу извинить меня, господа и дамы, но я вынужден вас покинуть. Рад был знакомству.

После его ухода мы немного помолчали, затем Наташа тихо сказала:

– Я после исчезновения матери уже никому не верю... Я все думала: как ее могли на улицу выманить? Она же меня ждала, знала, что я волноваться буду! К ней наверняка кто-то из преподавов подошел, поговорить о дочери. Она лишь ради меня могла с ним пойти...

– А почему ты Андрея Викторовича подозреваешь?

– Не знаю... Олег говорит, странный у нас психолог. Он к нему вроде как... приставал. – Наташа густо покраснела. Олег насупился и еще больше наклонил голову.

– Приставал? Ну и что? – не врубилась я. – Возможно, Андрей Викторович – гомосексуалист, хотя мне так не показалось. Но это как раз снимает с него подозрения, разве нет? «Голубой» маньяк похищал бы скорее мальчиков, нежели девочек и женщин!

– Я не психолог, не знаю, – с трудом произнесла Наташа. – Но только такие, как он, вызывали у моей матери доверие. Да там, в приемной комиссии, кроме него, лишь два старикана были и три тетки. Старик бы с ней не справился, наверное?

– А с женщиной она пошла бы? – быстро спросила я.

– Да, или с женщиной, или вот с таким обаяшкой, – грустно сказала Наташа. – Но ведь маньяк не может быть женщиной?

– Ох, ничего мы толком не знаем, – вздохнула я.

Телефон Олеси вновь зазвонил. Она резко сказала в трубку:

– Да, он ушел. Велели – так проследи, чего ты от меня хочешь? Доеду, не переживай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.